

Въ мѣста отдаленныя.

(Воспоминанія административнаго).

I.

Почти четверть столѣтія прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ мы, „Пролетаріатцы“, послѣ долгаго одиночнаго заключенія въ Варшавской крѣпости, получили извѣщеніе начальства, что будемъ высланы административнымъ порядкомъ въ Сибирь, а еще до сихъ поръ я живо помню ту горечь и обиду, которую переживалъ тогда отъ сознанія, что ни за что, ни про что долженъ буду долгія пять лѣтъ лучшей поры жизни просидѣть въ глухомъ углу невѣдомой, далекой, страшной Сибири.

Всѣхъ насъ изъ Варшавы выслалось въ Сибирь 22 человѣка, въ томъ числѣ три женщины въ Западную Сибирь: (Полль, Ентисъ, Дзянковская)—Рудницкій, Пашке, Пташинскій, Заремба, Савицкій, Быкъ, Малиновскій, Подбѣльскій, Ставискій, Дреперъ, Каленбрунъ и Крохмальскій и въ Восточную: Рыдзевскій, Тржешковскій, Гандельсманъ, Кефферъ, Выгановскій, Острейко и я. Спустя приблизительно мѣсяць послѣ объявленія приговора, намъ сообщили, что на другой день насъ будутъ отправлять въ Москву. 18-го августа 1885 года, часовъ въ 10—11 утра, насъ разсадили по четыре человѣка въ наглухо закрытые деревянные ящики на колесахъ, съ окошечками, продѣланными въ стѣнкахъ, чтобы мы не задохлись въ этихъ импровизированныхъ передвижныхъ тюрьмахъ. Эти крошечныя окошечки, конечно, были снабжены толстыми желѣзными рѣшетками.

Каждую повозку окружалъ конвой конныхъ жандармовъ, съ шапками наголо, и весь кортежъ, на полныхъ рысяхъ направился въ городскую тюрьму. Тамъ насъ помѣстили въ одной просторной камерѣ и вкорѣ прибывшій конвойный офицеръ принялъ насъ, подъ расписку, отъ крѣпостного смотрителя—жандармскаго офицера.

Стали готовить насъ къ дальнѣйшему пути.

Начался осмотръ вещей, упаковка ихъ, провѣрка статейныхъ спис-

ковъ, сличеніе фязіономій съ имѣвшимися при спискахъ фотографическими карточками и т. д. Наконецъ, вся эта возня окончилась и мы, уже пѣшкомъ, окруженные солдатами, пошли на станцію, обошли вокзалъ стороны, чтобы не попадаться на глаза публикѣ и размѣстились въ приготовленномъ арестантскомъ вагонѣ.

Публика, узнавшая, несмотря на всѣ предосторожности, о высылкѣ партій политическихъ, наводнила вокзалъ. Особенно много явилось рабочихъ, расположившихся не на перронѣ, откуда ихъ гнали жандармы, а вдоль пути, на протяженіи 2—3 верстъ за Варшавой. Все время насъ держали на приличномъ разстояніи отъ вокзала и только за нѣсколько минутъ до отхода поѣзда нашъ вагонъ подали и прицѣпили въ хвостъ поѣзда. После второго звонка изъ вагона вдругъ раздалось гѣние. Публика заволновалась, кинулась ближе къ вагону, слышались прощальные пожеланія. Третій звонокъ—поѣздъ дрогнулъ и сталъ тихонько двигаться.

— Прощайте! не забывайте насъ!—неслось со всѣхъ сторонъ и все это покрылось громкимъ „Ура!“ публики и грохотомъ поѣзда.

Вдоль пути стояли группы рабочихъ, махали намъ шапками и платками и кричали пожеланія счастливаго пути и скорого возвращенія. Приятно взволнованные такими сердечными проводами, мы весело разставались съ Варшавой.

II.

Послѣ долгаго и строгаго одиночнаго заключенія на насъ чрезвычайно приятно дѣйствовала новизна обстановки. Уже одно отсутствіе ненавистныхъ синихъ мундировъ, такъ долго мозолившихъ намъ глаза, радовало насъ несказанно. Мы не могли наговориться другъ съ другомъ, не могли наглядѣться на мелькавшіе передъ нами родные виды, не могли вдоволь надышаться чуднымъ воздухомъ теплаго августовскаго вечера. Молодость безпечна и склонна, увлекаясь настоящимъ, не думать о будущемъ,—и большинство изъ насъ не думало о томъ, что ждетъ ихъ впереди.

Мы жили данной минутой и наслаждались всѣмъ, что не напоминало намъ крѣпости съ ея мертвящей тоской одиночнаго заключенія. Но не долго продолжалось такое настроеніе.

Всѣ мы оставляли на родинѣ близкихъ намъ, дорогихъ людей: отцовъ, матерей, братьевъ, сестеръ, женъ и дѣтей.

Тоска заползала намъ въ душу, мы теперь слишкомъ ясно понимали, что каждый оборотъ колесъ вагона отдаляетъ насъ отъ нихъ, что пройдутъ года, когда намъ можно будетъ вернуться, можно будетъ снова увидѣть ихъ. Оторванные отъ своего близкаго, родного, отданные во власть слѣпой силѣ, которой до насъ не было ровно никакого дѣла, въ глазахъ

которой мы были не больше какъ пѣшками, надъ которыми она производила свои манипуляціи—мы шли навстрѣчу неизвѣстному будущему, одинокие, измученные всѣмъ пережитымъ нами, всѣмъ выстраданнымъ. Это горе особенно сильно чувствовалось въ первый день пути. Нужно было притерпѣться къ нему, сжиться съ нимъ, пережить острый его періодъ.

III.

Въ Москву мы пріѣхали усталые, измученные и физически и нравственно. Долгое тюремное заключеніе до того ослабило насъ, что даже обиліе впечатлѣній страшно утомляло. Съ московскаго вокзала отправились пѣшкомъ, окруженные цѣпью солдатъ, въ Бутырскую тюрьму. Въ Путаевской башнѣ насъ ожидали товарищи-попутчики въ Сибирь: Дибобесъ, Гордонъ, Шульмейстеръ, Яковлевъ, Вубновъ, Прокофьевъ и Рехневская. Въ Москвѣ мы пробыли всего нѣсколько дней. Начальство торопилось поспѣть къ послѣдному пароходному рейсу изъ Тюмени въ Томскъ, чтобы не застрять на всю зиму гдѣ-нибудь въ дорогѣ. Опять возня съ вещами. Пришлось укрупивать отдѣльно все, что не понадобится въ дорогѣ и сдавать на руки конвою. Запломбированные сундуки и чемоданы передавались однимъ конвоемъ другому безъ осмотра и слѣдовали съ нами до самаго мѣста назначенія. Все, что не разрѣшалось имѣть при себѣ, всякіе инструменты, ножи, вилки и т. п. можно было уложить отдѣльно, запечатывалось и выдавалось владѣльцу по прибытіи на мѣсто. Цѣпыхъ два дня возились солдаты, осматривая наши пожитки, помогая укрупивать и завязывать ихъ.

Въ Москвѣ же нужно было запастись всѣмъ необходимымъ для дороги; нужно было выбрать старосту и его помощника для веденія довольно сложнаго дорожнаго хозяйства, а также для сношеній и всякихъ переговоровъ съ начальствомъ. Выборы производились по всѣмъ правиламъ и въ результатѣ Острейко былъ избранъ старостой и я его помощникомъ. Въ тѣ времена начальство признавало выборныхъ старостъ, выдавало имъ на руки кормовыя деньги всей партіи и даже отпускало за покупками въ городъ, но, конечно, съ конвоемъ. Всѣ, имѣвшіеся у каждаго изъ насъ, деньги были переданы въ общую кассу и поступили въ распоряженіе старосты. Хлопотъ было много. Приходилось позаботиться не только о всякихъ припасахъ, но и объ одеждѣ, бѣльѣ и обуви бѣднѣйшихъ членовъ партіи, и все это слѣшно, такъ какъ начальство торопило со сборами. Изъ Бутырокъ на вокзалъ прошли пѣшкомъ; тамъ опять арестантскій вагонъ и со всѣмъ неинтересное путешествіе въ немъ въ Нижній-Новгородъ. Въ Нижнемъ насъ уже ждалъ пароходъ съ арестантской баржей, чтобы доставить

до Перми. Прямо из вагона нас перевели на баржу, где уже размещена была партия уголовных, занявшая почти всю баржу, так что нам достались каюты на корме и одно кормовое помещение в трюме. Кругом всей палубы устроена была толстая железная решетка, потолок тоже решетчатый железный, покрытый сверху брезентом. Везде часовые с ружьями. Палуба уголовных отделялась от нашей тоже железной решеткой. Конвой у нас был отдельный. Здесь то впервые пришлось мне близко увидеть струю арестантскую массу, закованную в кандалы, с обрванными на половину головами. Долго не мог я отделяться от жгучего чувства стыда и обиды, глядя на унижение человека, на ту бессмысленную злобу и жестокость, с которой стараются убить не только тело, но и душу ближнего.

IV.

Путешествие по воде, по хорошей погоде вообще приятно; в нашем же положении оно казалось мне какой-то увеселительной экскурсией, предпринятой со специальной целью дать приятный отдых измученным людям. Блестящая гладь воды ласкала взор, привыкший долгое время созерцать только грязные тюремные стены; тихое журчание и всплески воды сладко убаюкивали и развешивали. По целым дням сидели мы на палубе, любясь прибрежными водами, слушая крики носившихся над водой бѣлых чаек, грѣлись на теплом осеннем солнышке, без конца впитывая живительный, влажный рѣчной воздух. Мирно бесѣдуя, мы вспоминали недавнее прошлое и оно не казалось нам таким страшным и тяжелым в этой мирной обстановке. Из-за чего только люди так зло и жестоко мучают друг друга, когда так много места на свете и мать природа так ласкова ко всем, невольно думалось, созерцая всю прелесть осенних картин.

Между уголовными оказались любители и знатоки пѣния, они подобрали голоса, разучили разные пѣсни и по вечерам задавали настоящие концерты. Хор у них составилась весьма порядочный. Сибирские купцы, ѣхавшие на пароходе, тащившем нашу баржу, послѣ первого вечера, когда пѣвцы, видимо надѣявшись на подачку, особенно старались, прислали им, под видом подавня, нѣсколько рублей. Это подбодрило и „Врмак“ далеко и стройно разносился по гладкой поверхности рѣки. Пѣнію никто не пренятствовалъ. Оно, видимо, правилось и конвойнымъ солдатикамъ и офицеру и продолжалось до самой повѣрки, когда бѣдныхъ пѣвцовъ загопняли въ трюмъ, запирали тамъ и къ дверямъ ставили стражу. Какъ зорко ни караулили часовые, какъ ни была крѣпка и часта решетка, огораживающая всю баржу, а все-таки, какимъ то образомъ, удалось одному

изъ уголовныхъ пробраться за решетку и броситься въ воду. Услыхали подозрительный всплескъ воды и сейчас же оставили пароходъ, спустили лодку и бросились искать, но черная осенняя ночь скрыла въ своихъ объѣмахъ бѣглеца. Стали проверять арестантовъ, но какъ ни считали, а одного досчитаться не могли. Кто убѣждалъ—узнали только на другой день при поименной перекличке, но того, какимъ образомъ ухитрился онъ это проѣхать, такъ и не узнали. Офицеръ злился, ругался, а солдатники, молча выслушивавшіе его брань и угрозы, послѣ ухода его добродушно улынулись, какъ бы сочувствуя смѣльчаку.

V.

Въ послѣдній день нашего плаванія погода испортилась. Съ утра небо покрылось тучами, дулъ холодный вѣтеръ и вскорѣ началъ падать настоящій осенній, затяжной дождь. Настроение наше сразу измѣнилось. Цѣлый день все прятались по каютамъ, кутаясь отъ холода и страшно скучая. Въ сумерки приплыли мы, наконецъ, въ Пермь. Началась выгрузка уголовныхъ, размѣщеніе ихъ на ожидавшіе уже подводы и отправка дальше—въ Тюмень на лошадахъ. Уже совсѣмъ темной ночью, при свѣтѣ фонарей, сошли мы съ баржи и тутъ же были размѣщены на телѣги, долженствовавшія доставить насъ до перваго этапа. На каждую телѣгу усаживалось 2—3 человека и столько же конвойныхъ. Темнота, неудобное положеніе, дождь, не перестававшій лить и промочившій насъ до костей, непроглядная темень, невылазная грязь, по которой пришлось ѣхать шагомъ,—все это сдѣлало этотъ, сравнительно небольшой станокъ, памятнымъ всемъ намъ. Несчастнымъ уголовнымъ пришлось еще хуже. Ихъ усаживали по 8 человекъ на телѣгу и, чтобы устранить возможность побѣга, сковывали всѣхъ одной цѣпью, а конецъ ея приковывали къ телѣге. Они не могли ни укрыться отъ дождя своими халатами, ни усѣться удобнѣе, ни даже итти пѣшкомъ, рядомъ съ телѣгой—каждый въ своихъ движеніяхъ зависѣлъ отъ всѣхъ остальныхъ. Солдатники, промокшіе, иззябшіе, злые поминутно ругались и проклинали свою судьбу.

Только въ полночь дотащились мы до перваго этапа. Попадъ, наконецъ, въ теплое помещеніе и снявъ мокрое платье, мы слѣшно напались чаю и, усталые до изнеможенія, завалились спать. Дамы наши пріѣхали чуть живыя, такъ что даже и чая не стали ждать. На утро, отдохнувъ и, какъ слѣдуетъ закусавъ, мы двинулись дальше. Здесь уже были приготовлены намъ повозки. Это громадные, неуклюжіе, крытые экипажи, запряженные 4—5 лошадыми. Садилась мы въ нихъ по 3—4 человека при такомъ же количествѣ конвойныхъ, лѣпившихся, какъ попало, на козлахъ

и облучках повозки. Сидѣть въ этихъ колымагахъ было гораздо удобнѣе, чѣмъ въ телѣгахъ. На дно повозки укладывались вещи, сверху ихъ постели и получалось сносное сидѣнье. Дорога была отвратительная—истинно-русская дорога, по которой ѣхать можно только шагомъ. Грязь доходила лошадиамъ до колѣнъ; ямы, колдобины, ухабы—все какъ слѣдуетъ, въ должномъ количествѣ. Въ деревняхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, намъ выносили подаваніе. Мчится какая-нибудь бабенка босикомъ, утопая въ грязь, на середину улицы, къ нашимъ повозкамъ и подаетъ конвойному рѣпу, брюкву, огурцы или коврижку пшеничнаго хлѣба со словами: „Прійми, Христа ради, для несчастенькихъ“. Мы благодарили, принимали подаваніе и на этапѣ передавали все старостѣ уголовныхъ.

VI.

Цѣлыхъ семь дней тащились мы такимъ образомъ. Не обошлось, конечно, и безъ приключеній. Однажды, въ особенно грязномъ и ухабистомъ мѣстѣ, повозка, въ которой ѣхали три нашихъ дамы, вдругъ затрещала, накренилась и стала.

Раздались крики и визгъ перепуганныхъ пассажировъ, проклятія ямщика и конвойныхъ. Я былъ въ слѣдующей повозкѣ и вскорѣ подѣхалъ къ мѣсту крушенія. Оказалось, что у повозки сломалась ось. Ѣхать въ ней дальше нечего было и думать, а до этапа было еще далеко. Утѣрь, сопровождавшій насъ, распорядился рассадить дамъ по другимъ повозкамъ, а солдатамъ велѣлъ итти пѣшкомъ.

Сломанная повозка стояла въ самой невылазной грязи, такъ что выдти изъ нея нашимъ дамамъ, чтобы перейти въ другія повозки, было невысказанно. Нужно было перенести дамъ на рукахъ. Я былъ въ длинныхъ сапогахъ и взялся исполнить эту задачу. Двухъ дамъ я перенесъ довольно успѣшно,—онѣ были такія легонькія послѣ долгаго тюремнаго заключенія! Но когда очередь дошла до Наталіи Полль, особы крупной и довольно полной, я оказался въ весьма затруднительномъ положеніи. Не хотѣлось сознаться, что эта ноша мнѣ не по силамъ, и чтобы не свалиться вмѣстѣ съ нею въ грязь, я велѣлъ подѣхавъ повозкѣ возможно ближе и ухитрился пересадить ее безъ большаго хлопотъ. Эта перегрузка прекраснаго пола заняла порядочно времени и настроила публику на весьма шуточный ладъ. Меня долго дожимали шутками, что я не дерзнулъ взять на руки г-жу Полль. Цѣлые дни мы проводили въ повозкахъ, попадая только къ ночи на этапъ, гдѣ и ночевали. По части провизіи здѣсь намъ было прямо раздолье. На каждомъ этапѣ мы покупали жареныхъ поросятъ, гусей, куръ и все это во невѣроятно дешевымъ цѣнамъ. На третій или четвертый день мы подѣ-

ѣхали къ линіи желѣзной дороги Екатеринбургъ—Тюмень, на которой тогда еще не было открыто правильное движеніе и съ завистью смотрѣли на мчавшіеся мимо насъ рабочіе поѣзда. Чудные виды Урала по большей части пропадали для насъ за невозможностью охватить болѣе широкій горизонтъ изъ закрытой повозки. У столба, на которомъ съ одной стороны была надпись „Европа“, а съ другой „Азія“, мы сдѣлали маленькій привалъ и, простившись со старушкой Европой, вступили въ предѣлы не мѣнѣе старой, но для насъ новой и незнакомой Азіи.

VII.

Въ Тюмень мы прибыли въ полдень. Помѣстили насъ всѣхъ мужчинъ въ одной просторной камерѣ пересыльной тюрьмы, гдѣ мы и расположились дожидаться парохода и совершенія всѣхъ потребныхъ формальностей. Начальство работало во всю, подбирало новую партію уголовныхъ, назначало и отправляло по мѣстамъ тѣхъ изъ насъ, которые были сосланы въ Западную Сибирь. Здѣсь мы разстались съ большинствомъ товарищей. Ихъ развѣстили слѣдующимъ образомъ: Яковлевъ, Дибобесъ, Пашке, Рудницкій, Наталья Полль, Пташинскій и Заремба въ Туринскъ; Савицкій, Быкъ, Малиновскій и Подбѣльскій—въ Тюкалинскъ; Рехневская и Ставискій—въ Ишимъ; Александра Ентысъ, Дзянковская, Дремеръ, Каленебругъ и Крохмальскій—въ Тару и Прокофьевъ въ Степное Генераль-Губернаторство. Нѣсколько дней, которые мы провели въ Тюмени, прошли въ хлопотахъ и сборахъ къ дальнѣйшему пути. Мы раздѣлили нашу общую кассу такъ, что западникамъ досталось значительно меньше, чѣмъ восточникамъ, но все-таки такъ, чтобы каждый по пріѣздѣ на мѣсто своего новаго жительства имѣлъ на первыя потребности нѣсколько рублей. Мы знали, что во всѣхъ городахъ, куда ѣхали наши товарищи, есть уже ссыльные-товарищи и что они помогутъ имъ устроиться. Въ Тюмени, какъ и на всѣхъ сибирскихъ этапахъ, каждая проходящая партія обязательно оставляла на стѣнахъ, нарахъ, подоконникахъ надписи съ перечисленіемъ своихъ членовъ и съ указаніемъ мѣстъ, куда они назначены. Каждая вновь прибывшая партія читала эти надписи и, такимъ образомъ, получала самыя точныя свѣдѣнія, кто куда сосланъ, на сколько лѣтъ и т. п. Въ Тюмени захворалъ тифомъ Рыдзевскій и остался лежать въ больницѣ при пересыльной подѣ наблюденіемъ молодого симпатичнаго врача, обнадѣжившаго насъ, что болѣзнь въ легкой формѣ и бояться за его жизнь нечего. Остаткамъ кому-нибудь изъ товарищей для ухода за больнымъ не разрѣшили. Нѣкоторые изъ западниковъ, но кто именно, теперь не помню, уѣхали изъ Тюмени еще при насъ; съ остальными же мы трогательно распрощались и, шлепая по Тюменской грязи, отправились на пристань.

VIII.

Съ тяжелымъ чувствомъ разставался я съ товарищами, какъ бы предчувствуя, что уже никогда болѣе не увижу ихъ, что многимъ изъ нихъ суждено на вѣки остаться въ Сибири, вдали отъ страстно любимой родины и близкихъ ихъ сердцу людей. Со страхомъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ помѣстились мы въ грязномъ, сыромъ, полутемномъ трюмѣ старой арестантской баржи, идущей въ Томскъ. Погода стояла отвратительная. Дождь, вѣтеръ, свинцовое небо, сплошь покрытое тучами, непривѣтливая обстановка грязной баржи, свѣжее впечатлѣніе разлуки съ товарищами—все до боли терзало нервы, не давало ни минуты душевнаго покоя. Каждый старался уединиться, спрятаться со своимъ горемъ, со своей тоской.

Кто уныло бродилъ по палубѣ, кто притворяясь спящимъ, молча лежалъ на нарахъ. Только во время обѣда, о которомъ позаботился нашъ неутомимый староста, настроеніе стало мало-по-малу мѣняться, кое-кто рѣшительно заявилъ, что плавать молъ на все, будь что будетъ, а жизнь все-таки прекрасная штука и унывать намъ нечего.

Путешествіе по сибирскимъ рѣкамъ въ это время года и при такихъ условіяхъ, въ какихъ мы его совершали, было далеко не изъ пріятныхъ. Здѣсь уже свирѣпствовала капризная, ненастная осень и чѣмъ дальше мы подвигались къ сѣверу, (по Тоболу) тѣмъ становилось все холоднѣе и непригляднѣе. Суровые, угрюмые берега рѣки, хотя и величественные въ своей дикой красотѣ, не радовали взоръ, не давали душевнаго успокоенія, напротивъ, угнетали запуганное, измученное воображеніе, рисуя картины еще болѣе дикихъ и суровыхъ мѣстъ, ждавшихъ насъ къ себѣ. День за днемъ тянулось наше путешествіе, бездѣльное, скучное, однообразное. Во время остановки въ Тобольскѣ лилъ дождь и сквозь его водяную завѣсу, городъ казался намъ жалкимъ, придавленнымъ, размокшимъ. Великій, многоводный Иртышъ подавлялъ своею могучестью. Дикіе пустынные берега его, безъ малѣйшаго признака человѣческаго жилья; голыя, безлѣсныя равнины, тоскливо раскинувшіяся на необозримомъ разстояніи, наводили тоску и уныніе. Кругомъ не видно было ни деревень, ни людей, ни лодокъ на рѣкѣ, ни какого-либо живого существа, какъ будто мы приплывали по странѣ, гдѣ безжалостная рука смерти смела съ лица земли все живое. Но вотъ наконецъ городъ...

Съ любопытствомъ собирались мы посмотреть на первый городъ дальняго сѣвера, небезызвѣстный въ исторіи ссылки, но были жестоко разочарованы. На берегу кучки остояковъ—Васекъ, какъ ихъ здѣсь зовутъ,—нѣсколько человѣкъ сибиряковъ или русскихъ поселенцовъ, нѣсколько хи-

барокъ—и больше ничего. Эта пристань ничтожный, крошечный городишко, состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ жалкихъ лачужекъ, стоитъ въ сто-ронѣ, и намъ съ баржи его не было видно. Какъ только мы причалили къ берегу, къ нашей баржѣ подплыло нѣсколько остояцкихъ лодокъ съ рабой. Великолѣпныя стерляди, громадные осетры, щуки и масса всякой другой рыбы продавались по баснословно дешевой цѣнѣ. Купивъ рыбы и угостивъ „Васекъ“ хлѣбомъ, который для нихъ составляетъ недоступное лакомство, мы забрались опять въ трюмъ, такъ какъ было страшно холодно. Дальше повторилось тоже. Опять покупали рыбу, опять раздавали черствые, засохшіе куски хлѣба, которые тутъ же, на нашихъ глазахъ, пожирались съ какою-то животною жадностью. Погода становилась все хуже. Падаль свѣтъ съ дождемъ, по утрамъ сильно морозило. Мы дрожали отъ холода, кутаясь во все, что имѣли, и большую часть времени проводили въ трюмѣ, мрачные, озлобленные и на людей и на непривѣтливую природу. Девять дней тащились мы до Томска и несказанно обрадовались, когда намъ сказали, что скоро конецъ нашему плаванію, что Томскъ уже близокъ.

IX.

Но, хотя это утомительное плаваніе, дѣйствительно, скоро окончилось, однако злключеніямъ нашимъ конца не предвидѣлось. Оказалось, что пароходъ не доходитъ до самаго города, а останавливается на Черемошинской (кажется такъ) пристани, верстахъ въ 7 или 8 отъ города. Вскорѣ по прибытіи парохода явилось начальство, началась выгрузка уголовныхъ и отправка ихъ въ пересыльную тюрьму. Ждать своей очереди намъ пришлось довольно долго и только въ сумерки свели насъ на берегъ. Въ городъ мы поѣхали на телѣгахъ. По невообразимо грязной дорогѣ тащились мы, иззябшіе, промокшіе, болѣе двухъ часовъ. Наконецъ, дотащились до пересыльной. Но тутъ встрѣтилось новое препятствіе. Въ пересыльной скопилось болѣе трехъ тысячъ уголовныхъ, свирѣпствовалъ тифъ, и тюремное начальство наотрѣзъ отказалось принять насъ.—Везите, куда знаете—рѣшительно заявилъ смотритель—я не приму; у меня ни одного свободнаго мѣстечка нѣтъ.—Долго сидѣли мы на телѣгахъ, дожидаясь результатовъ совѣщанія начальства. Но всему на свѣтѣ бываетъ конецъ—окончилось и это наше ожиданіе на холодѣ, въ темнотѣ, подъ дождемъ.

Намъ нашли помѣщеніе въ арестантскихъ, куда немедленно и отправили. Безконечно долго ѣхали мы по грязнымъ улицамъ Томска, пока, наконецъ, добрались до арестантскихъ ротъ. Но и здѣсь пришлось ждать, пока нашли смотрителя, пока онъ понялъ, чего отъ него требуютъ и, послѣ долгихъ споровъ и пререканій, согласился принять насъ. Для насъ очн-

стили одну камеру съ рядами нарѣ вдоль стѣнъ, вмѣсто кровати и, наконецъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ мытарствъ мы очутились въ теплое помещеніи, могли переодѣться и отдохнуть. Вскорѣ пріѣхалъ совѣтникъ, распорядился снабдить насъ кипяткомъ и, пообщавъ пріѣхать утромъ для установленія правилъ нашего здѣсь пребыванія, очень любезно отключился.

X.

Совѣтникъ сдержалъ слово и часовъ въ десять утра былъ уже у насъ выѣстъ съ начальникомъ арестантскихъ ротъ, сердитымъ брюзгливымъ старикомъ, весьма недовольнымъ, что ему навязали такихъ безпокойныхъ жильцовъ, съ которыми и обращаться такъ, какъ онъ привыкъ со своими арестантами, ему не позволили.

Послѣ долгихъ переговоровъ, въ которыхъ мы принимали горячее участіе, былъ выработанъ „modus vivendi“. Камера наша не запиралась ни днемъ ни ночью, но около ея дверей ставился на ночь часовой. Двѣмъ мы имѣли право разгуливать по всему зданію, ходить въ мастерскія, даже работать тамъ—„не портя казеннаго матеріала“. Намъ отводилась кухонная плита въ столярной мастерской и давался кипятокъ изъ общаго куба. За провизіей мы могли посылать артельного старосту арестантовъ или же могъ ходить за ней нашъ староста съ конвойнымъ. Готовить себѣ пищу должны были сами, а равно убирать сами свою камеру. Дипломатъ-совѣтникъ, желая избавиться отъ жалобъ и всякой возни съ нами и, видимо, хорошо зная нравъ начальника ротъ, а можетъ быть искренно желая оградить насъ отъ его грубаго обращенія, увѣрялъ насъ въ его присутствіи, что съ нами здѣсь будутъ вѣжливы, не стануть дѣлать никакихъ неприяностей и стѣсненій. Старикъ-начальникъ сердито нытѣлъ, что-то ворчалъ себѣ подъ носъ, но ничего не сказалъ. Однако, вечеромъ этого же дня, во время повѣрки, онъ явился къ намъ въ камеру въ шапкѣ и галошахъ и потребовалъ „встать“. „Шапку долой!“ крикнулъ кто-то въ отвѣтъ на его требованіе, да такъ внушительно, что старикъ повернулся и, не производя повѣрки, поспѣшилъ скрыться. Утромъ по поводу этого инцидента пріѣзжалъ совѣтникъ, велъ долгіе разговоры и съ нами и съ начальникомъ и, въ концѣ-концовъ, порѣшили, что повѣрку будетъ дѣлать конвой. Послѣ этого старикъ больше къ намъ не показывался и какъ будто даже избѣгалъ встрѣчь съ нами.

XI.

Въ тотъ же день нашъ староста отправился въ городъ, купилъ кухонной посуды и провизіи—и мы зажили своимъ хозяйствомъ. Денегъ

у насъ было мало, кормовыхъ выдавали только по 10 коп. на человѣка, поэтому питаться приходилось весьма умеренно.

Мы варили себѣ только супъ, утромъ же и вечеромъ обходились чаемъ съ хлѣбомъ и какой-нибудь закуской, въ родѣ соленой рыбы, очень дешевой въ Томскѣ. Въ стряпнѣ и, вообще, въ хозяйствѣ всѣ принимали дѣятельное участіе. Кто чистилъ картофель, мылъ посуду, готовилъ чай, кто убиралъ камеру, кто стряпалъ—работы хватало для всѣхъ. Часа въ 2—3 торжественно водружался на столѣ дымящійся котелъ, голодная братія, набрасывалась на него и, съ завиднымъ, молодымъ аппетитомъ, уплывала за обѣ щеки далеко неизысканныя блюда.

Послѣ обѣда читали, играли въ шахматы, писали письма—вообще всячески старались сократить избытокъ свободнаго времени. Нѣкоторые изъ насъ посѣщали мастерскія, быстро свели знакомство съ работающими тамъ заключенными и сами мастерили себѣ разные ящички, коробочки и т. п. Между арестантами нашлись очень симпатичные, хорошіе люди, натуры далеко не преступныя, а попавшія въ это учрежденіе за дѣла, содѣянные благодаря своей темнотѣ и некультурности. Въ арестантской средѣ не мало такихъ людей. Въ совершенныхъ ими поступкахъ они никакъ не могутъ усмотрѣть преступленія, въ крайнемъ случаѣ видятъ баловство, озорство, пьяное безчинство, самоуправство. Но судъ не справляется съ ихъ понижаніемъ, съ ихъ взглядомъ на законность. И несутъ эти взрослые дѣти тяжелыя наказанія, всю жизнь оставаясь въ недоумѣніи, за что съ ними такъ жестоко, такъ несправедливо поступилъ человѣческой судъ. Но вездѣ, куда бы судьба ни забросила такого человѣка, въ его душѣ, какъ неугасимая лампада, продолжаетъ горѣть искра Божія, освѣщая ему жизненный путь, и давая возможность каждому желающему разглядѣть, подъ грубой и преступной внѣшностью, хорошаго, но несчастнаго, разбитаго тяжелой жизнью человѣка. Съ нѣкоторыми изъ нихъ мы сошлись довольно близко, часто посѣщали ихъ, вели съ ними нескончаемыя бесѣды о ихъ житействѣ, помогали имъ совѣтами и указаніями. И пужно было видѣть, съ какимъ восторгомъ слушали эти темные, забытые, безправные люди рассказы о жизни другихъ людей, болѣе свободныхъ, развитыхъ, культурныхъ, какъ глубоко они чувствовали свое положеніе, какъ страдали отъ своей темноты, какъ жаждали свѣта и знанія. Какъ любознательныя дѣти они хотѣли все знать, обо всемъ спрашивали, всему удивлялись. Наканунѣ нашего отъѣзда они пришли къ намъ въ камеру проститься и сколько искренняго, безкорыстнаго чувства проглядывало въ ихъ пожеланіяхъ, въ ихъ увѣреніяхъ, что они никогда не забудутъ насъ, не забудутъ нашихъ бесѣдъ съ ними и нашего отношенія къ нимъ.

XII.

Отъездъ нашъ изъ Томска назначенъ былъ на 23-е сентября. За недѣлю до отъезда явился къ намъ совѣтникъ и сообщилъ, что насъ раздѣляетъ на двѣ партіи, что, по какимъ то новымъ правиламъ, отправлять десять человекъ политическихъ, при уголовной партіи, не разрешается. Мы запротестовали и заявили, что готовиться къ отправкѣ не станемъ и добровольно не пойдёмъ: пусть насъ берутъ силой и везутъ связанными. Никакія убѣжденія совѣтника не помогали и онъ уѣхалъ, сказавъ, что доложить о нашемъ рѣшеніи губернатору. Вечеромъ онъ пріѣхалъ съ отвѣтомъ губернатора, что нарушать прямое распоряженіе высшаго начальства онъ не можетъ, но увѣренъ, что если мы пошлёмъ въ министерство телеграмму съ просьбой отправить насъ всѣхъ вмѣстѣ, то отказа не получимъ. Мы согласились послать телеграмму и стали готовиться къ дорогѣ, не сомнѣваясь, что отвѣтъ будетъ благоприятный. На другой день намъ привезли цѣлый возъ зимней одежды. Полушубки изъ киргизскихъ барановъ, грязные, кислые, вонючіе, чрезвычайно неуклюжаго фасона, сѣрые, длинные халаты, бродни (родъ сапога безъ стелекъ, задниковъ и каблучковъ, съ пришитыми желтыми голенищами), суконные портянки, рукавицы съ варешками и арестантскія шапки съ наушниками. Весь этотъ нарядъ крайне неудобенъ и мало грѣетъ, но т. к. у многихъ изъ насъ не было теплой одежды, то пришлось пригонять казенную къ своей фигурѣ, пришивать пуговицы, завязки и т. п. День проходилъ за днемъ въ постоянныхъ сборахъ, приближался срокъ отправки, а отвѣта на нашу телеграмму все не было. 22-го опять пріѣхалъ совѣтникъ и попросилъ дать ему списокъ пяти человекъ, которые завтра согласны уѣхать, т. к. отправить всѣхъ насъ, теперь, послѣ послышки телеграммы они уже никакъ не могутъ. Мы поняли, что попали въ ловушку и какъ ни тяжело было намъ расставаться, во избѣжаніе крупнаго и бесполезнаго скандала, рѣшили уступить. Бросили жребій и пятеро изъ насъ завтра должны были уѣхать. Весь вечеръ возились мы съ укладываніемъ вещей и дележкой денегъ и припасовъ. Утромъ пришелъ конвой и мы, нарядившись настоящими арестантами, усѣлись на розвальни и поѣхали въ пересыльную, чтобы оттуда вмѣстѣ съ партіей уголовныхъ, двинуться въ путь. Въ пересыльной 400 человекъ уголовныхъ стояло уже во дворѣ, выстроившись шеренгами, масса подводъ нагруженныхъ арестантскими котомками, подводъ съ больными и калѣками, конвой—все было готово: ждали только какого то начальства.

Но вотъ, на парѣ красивыхъ лошадей, пріѣхалъ „самъ“. Всѣ за-

суетились, прибѣжалъ конвойный офицеръ, смотритель пересыльной и, послѣ непродолжительнаго разговора съ „самимъ“, вдругъ объявили, что отправка отменяется. Насъ вернули въ арестантскія роты и только дорожкой мы узнали отъ конвойныхъ, что гдѣ то снятъ уже паромъ, что черезъ такую то рѣчку нѣтъ уже переправы. Оставшіеся товарищи были очень приятно удивлены нашимъ возвращеніемъ и мы, раскупоривъ свои вещи, расположились на старыхъ мѣстахъ. Теперь намъ предстояло ждать зимняго пути, когда всѣ рѣки станутъ и переправы черезъ нихъ будутъ по льду, т. е. пужно было прожить въ Томскѣ еще, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ.

XIII.

Перспектива просидѣть въ Томскѣ еще цѣлый мѣсяцъ не особенно насъ радовала. Постоянная бивуачная жизнь, со свойственнымъ ей отсутствіемъ самыхъ обычныхъ удобствъ, съ невозможностью чѣмъ-либо заняться, уже порядочно намъ надоѣла. Хотѣлось поскорѣе добраться до своего мѣста и устроить тамъ свою жизнь согласно своимъ желаніямъ и привычкамъ. Недостатокъ книгъ давалъ себя знать особенно сильно и въ безконечно длинные осенніе вечера мы положительно не знали, что съ собой дѣлать, чѣмъ заняться. Но тутъ насъ выручили изъ бѣды товарищи, проживавшіе въ Томскѣ. Въ одинъ прекрасный день къ намъ пришелъ Рублевъ, ухитрившійся, послѣ долгихъ хлопотъ получить разрѣшеніе на свиданіе съ нами. Свиданіе состоялось безъ присутствія согладатаевъ, такъ что мы провели съ нимъ, въ чрезвычайно интересной для насъ бесѣдѣ, около двухъ часовъ. Узнавъ о нашихъ нуждахъ, онъ взялся снабдить насъ всѣмъ необходимымъ и спустя нѣсколько дней, пришелъ къ намъ съ Чудновскимъ, жившимъ тоже въ Томскѣ, принесъ намъ немного денегъ, одежды и главное книгъ, газетъ и журналовъ за прошедшій годъ, которыхъ мы совѣмъ не видали. Отъ нихъ мы получили подробныя свѣдѣнія объ ожидавшей насъ дорогѣ, много чрезвычайно цѣнныхъ для насъ совѣтовъ и указаній, избавившихъ насъ, впоследствии, отъ разныхъ неприятностей. Они уже хорошо знакомы были съ сибирскими морозами, съ этапнымъ шествиемъ и всѣми порядками. Слѣдуя ихъ совѣтамъ мы старательно запасались теплымъ бѣльемъ и одеждой, съѣстными припасами и, вообще, всѣмъ необходимымъ для дороги. Они же надоумили насъ записаться папиросами на все время пути. Въ видахъ экономіи, а также, чтобы занять свободное время, мы принялись за производство гильзы и набивку папиросъ. Кампанецъ очень ловко склеивалъ гильзы, другіе вставляли мушкетуки и набивали готовые гильзы табаккомъ. Почти всѣ куряціе приняли самое дѣятельное участіе въ этой работѣ и по вечерамъ,

расположившись на краю наръ, слушая чье-нибудь чтение, старательно работали. Папирось мы надѣлали такую массу, что ихъ не только хватало намъ на дорогу, но даже приѣхавъ на мѣсто, я очень долго курилъ доставшуюся мнѣ при дележкѣ часть. Не разъ, впослѣдствіи, шествуя съ утра до вечера по жестокому морозу, мы благословляли судьбу, что могли хоть покурить, имѣя готовые папирсы,—свернуть папиросу озябшими руками было бы немисливо. Седьмого октября наша небольшая компанія уменьшилась однимъ человѣкомъ. Бубновъ (офицеръ) получилъ разрѣшеніе ѣхать на свой счетъ до самого мѣста своего назначенія. Родные его выхлопотали ему эту льготу, прислали денегъ и онъ, съ двумя конвойными, за проѣздъ которыхъ долженъ былъ уплатить прогоны въ оба конца, уѣхалъ на почтовыхъ.—„Сами себя въ Сибирь везете“,—поддразнивали мы его, но онъ добродушно отшучивался, очень довольный, что избавился отъ всѣхъ прелестей этапнаго пути.

Вскорѣ мы получили отвѣтъ на телеграмму, которой намъ разрѣшалось ѣхать всѣмъ вмѣстѣ. Это насъ очень обрадовало. Все время сидѣнія въ арестантскихъ ротахъ, за неимѣніемъ подходящаго мѣста, мы не пользовались прогулками на свѣжемъ воздухѣ, чувствовали себя не особенно хорошо и съ большимъ нетерпѣніемъ ждали отправки.

XIV.

Наконецъ, 21-го октября мы разстались и съ Томскомъ и съ его арестантскими ротами, въ которыхъ просидѣли болѣе 1½ мѣсяцевъ. Нарядившись въ арестантскіе полушубки и халаты, закутанные башлыками, въ неуклюжихъ скользкихъ бродняхъ, ходить въ которыхъ никакъ не могли сразу приспособится, мы, часовъ въ 10—11 утра, выѣхали на саняхъ догонять партію уголовныхъ, съ ранняго утра ушедшую пѣшкомъ. Осматривавшій насъ въ Томскѣ тюремный врачъ г. Орженко (братъ известной писательницы) призналъ всѣхъ слабыми, неспособными пройти пѣшкомъ отъ Томска до Красноярска, вслѣдствіе чего всѣ мы получили подводы по одной лошади на каждыхъ три человѣка. Конвойные ѣхали съ нами на саняхъ. На половинѣ дороги догнали партію и поѣхали сзади за ней. Холодный вѣтеръ съ морозомъ очень быстро заставилъ насъ слѣзть съ саней и идти пѣшкомъ, чтобы согрѣться. Партія шла сгрудившись, насколько позволяла ширина дороги.

Гулъ отъ разговоровъ и шаговъ громадной толпы, лягъ и звонъ кандаловъ, окрики и ругань конвойныхъ, подгонявшихъ отстающихъ и скрипъ саней по мерзлomu снѣгу—все это сливалось въ какую то дикую симфонію, никогда нами не слышанную. Партія шла такъ быстро, что мы

едва поспѣвали за ней и, пройдя нѣсколько верстъ, не только согрѣлись, но даже вспотѣли и вынуждены были сѣсть въ сани, чтобы отдохнуть. Вскорѣ догналъ насъ конвойный офицеръ и велѣлъ нашимъ подводамъ обогнать партію и ѣхать рысью на полугапъ. На краю деревни стояло казарменнаго типа небольшое зданіе съ маленькими оконцами, защищенными толстыми желѣзными рѣшетками, рядомъ домикъ для конвоя и все это кругомъ обнесено высокими, досчатымъ заборомъ. И зданія и заборъ выкрашенные въ желтый цвѣтъ, почернѣвшій отъ времени, имѣли грязный неряшливый видъ. Внутренность вполне соответствовала вѣншности. Невѣроятная грязь, выбитыя оконныя стекла, заткнутыя грязными тряпками, сырость и холодъ дѣлали это помѣщеніе негоднымъ не только для людей но даже и для скота. Кругомъ камеръ вдоль стѣнъ устроены въ два этажа нары, такія же грязныя, какъ и все въ этомъ зданіи. Въ полутемномъ корридорѣ стояла удушливая вонь, причину которой мы только послѣ узнали. Самую маленькую изъ камеръ отвели намъ для почлега. Какъ только мы расположились, староста нашъ пригласилъ въ камеру старшаго конвойнаго и, объявивъ ему, что до Красноярска мы уплатимъ конвою, за всякія услуги съ его стороны, такую то сумму (кажется 30 рублей), тутъ же вручилъ ему часть этой платы. Такъ дѣлали всѣ партіи, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ неприяностей и грубаго обращенія, такъ настоятельно совѣтовали сдѣлать и намъ. Конвойный немедленно ознакомилъ насъ со всѣми порядками, указавъ, гдѣ достать кипятку, гдѣ купить провизіи и т. п., такъ что до прихода партіи мы успѣли совершенно устроиться. Въ сумерки пришла партія. Чрезвычайно заинтересованный, какъ она будетъ размѣщаться въ зданіи, могущемъ вмѣстить не болѣе 200 человѣкъ, я вышелъ на крыльцо и сталъ ждать. Партія стояла плотной массой посреди двора, лицомъ къ крыльцу и конвойные, выровнивъ ея ряды, производили повѣрку. Ко мнѣ подошелъ солдатикъ нашего конвоя и предупредительно посоветовалъ уйти съ крыльца.—Замнетъ васъ „шпанка“ на крыльцѣ, когда начнетъ занимать мѣста—пояснилъ онъ. Я сошелъ во дворъ и сталъ въ сторонкѣ. Кончилась повѣрка и старшій скомандовалъ: „По мѣстамъ“. Произошло что-то невѣроятное. Смирно стоявшая толпа сразу рванулась впередъ и бѣшено прыгая, ринулась на крыльцо. Люди бѣжали очертя голову, толкая другъ-друга, давя въ дверяхъ, въ корридорѣ и, ворвавшись въ камеры, бросились на нары и раскладывали на нихъ свои вещи. Каждый старался занять какъ можно больше мѣсть. Еще на бѣгу они снимали съ себя халаты, полушубки и шапки и все это клали на нары. Разбросанныя на нарахъ вещи давали право на мѣсто и никто не смѣлъ тронуть положенную вещь, чтобы занять мѣсто. Захватывались мѣста не только на нарахъ, но и подъ нарами и на полу. Крики, проклятія, выкрикиванія

именъ и кличекъ и ругань—безконечная, отборная, многоэтажная ругань—прямо оглушали. Но все это быстро окончилось; мѣста захвачены и надо подумать о вещахъ и кипяткѣ. Почти всѣ арестанты въ дорогѣ соединяются въ небольшія группы по нѣсколько человекъ, стараются держаться всегда вмѣстѣ, сообща покупаютъ провизию, вмѣстѣ ѣдятъ и пьютъ. Изъ каждой такой артели болѣе сильные и ловкіе идутъ занимать мѣста, другіе покупаютъ провизию, разыскиваютъ свои мѣшки съ вещами, добываютъ кипятокъ и т. д. При такомъ раздѣленіи труда получается экономія времени и возможность лучше кормиться, лучше устроиться. Теперь всѣ торопились поскорѣе поѣсть и завалиться спать, чтобы завтра встать пораньше, такъ какъ предстояло пройти станокъ около тридцати верстъ. Часовъ въ семь вечера корридоръ заперли и поставили къ нему часового. Арестанты быстро укладывались спать и вкорѣ тишина смѣнила дикій шумъ и гамъ, царившій на этапѣ.

XV.

Часа въ три или четыре ночи я проснулся отъ криковъ, ругани и возни, поднявшейся въ корридорѣ и какъ ни прислушивался, не могъ понять, что тамъ случилось, а такъ какъ шумъ и крики все усиливались, то всталъ и пошелъ въ корридоръ. Глазамъ моимъ представилась дикая картина. Тускло освѣщенный маленькой лампочкой, корридоръ былъ сплошь занятъ спящими на полу людьми. Въ углу по близости дверей стояли, распространяя невыносимое зловоніе, два, уже переполненныхъ ушата и поддерживаемое ихъ текло по корридору, захватывая все большую площадь и подмачивая спавшихъ на полу людей. Желаящихъ воспользоваться ушатами было много и потребности отправлялись тутъ же, прямо на полъ. Вынести ушаты, опорожнить ихъ нельзя было, т. к. дверь была на замкѣ и конвойный, на всѣ просьбы открыть ее, лаконически отвѣчалъ—руганью. Чѣмъ большее пространство захватывала зловонная жидкость, тѣмъ больше людей вскакивало, отчаянно ругаясь и проклиная все на свѣтѣ. Я предположилъ было арестантамъ идти спать въ нашу камеру, предохраняемую отъ затопленія высокимъ порогомъ, но часовой такъ рѣшительно запротестовалъ, что ни одинъ арестантъ не рѣшился послушаться его. Я ушелъ въ свою камеру и долго валялся, пока, наконецъ, усталость не взяла верхъ и я снова уснулъ. Когда я проснулся, камеры были уже отперты, ушаты убраны, нечистоты кое какъ подметены и арестанты сидѣли тутъ же на полу и торопливо пили чай. Пока мы одѣвались и закусывали, партія вышла во дворъ для отправки. Оказалось, что ждутъ насъ, чтобы вмѣстѣ выйти съ этапа. Мы ничего этого не знали и не торопясь укла-

дывали свои вещи, какъ вдругъ въ нашу камеру вбѣгаетъ нѣсколько арестантовъ съ криками и руганью, что мы задерживаемъ всю партію, что они не потерпятъ такого издѣвательства и раздѣлаются съ нами по своему. Намъ не оставалось ничего больше, какъ поторопиться и, черезъ 2—3 минуты, мы были уже во дворѣ и вмѣстѣ съ партией двинулись въ путь. Конвойный офицеръ еще наканунѣ ухалъ почевать на соседній этапъ, не сдѣлавъ никакихъ распоряженій относительно насъ и конвойные не осмѣлились отправить насъ отдѣльно отъ партіи. Весь этотъ день мы плелись въ хвостѣ партіи, то шагая нѣшкомъ, чтобы согрѣться, то садясь въ сани, чтобы отдохнуть. На половинѣ пути сдѣлали приваль. Тутъ же насѣгу, усѣлись люди группами, добыли изъ пазухъ, кармановъ и узелковъ куски хлѣба и съ жадностью ѣли его. Отдыхъ продолжался не болѣе четверти часа и партія снова двинулась впередъ. Арестанты торопились прийти пораньше на этапъ, чтобы успѣть покончить свои дѣла, которыхъ у нихъ было назначено на этотъ вечеръ не мало и все очень серьезныхъ. Весь день въ дорогѣ шли самыя оживленныя пренія, велась агитация, подбирались партіи, какъ передъ выборами въ парламентъ. Но объ этихъ дѣлахъ расскажу послѣ. Отдохнувъ, партія шла съ удвоенной энергіей. Впереди шагали, подобравъ полы халатовъ и заткнувъ концы ихъ за поясъ, привычные къ ходьбѣ бродяги, уже не первый разъ проходящіе этотъ путь, знающіе его въ мельчайшихъ подробностяхъ, помнящіе названія этаповъ и разстояніе между ними, чуть не до самаго Якутска,—за ними послѣвала вся партія, частенько пускаясь бѣгомъ. Сзади тащились подводы съ большими, слабыми, калѣками и въ концѣ шествовали мы около своихъ саней. Котомки съ арестантскими вещами, почему-то называемыя „бутырь“, увозились съ утра, до отхода партіи и обыкновенно прибывали на мѣсто раньше. Часа въ три пришли мы на этапъ озябшіе, усталые, но довольные, что завтра будемъ имѣть день отдыха.

XVI.

Этапъ отличался отъ полуэтапа только размѣрами, чистота же его и порядокъ, въ какомъ онъ содержался, зависѣли отъ доброй воли начальника этапа, конвойнаго офицера—обыкновенно имѣвшаго тутъ же отдѣльный домъ, постоянно здѣсь живущаго. Попадались этапы и полуэтапы, по которымъ сразу было видно, что начальники ихъ видятъ въ арестантахъ людей, а не бѣшеныхъ животныхъ. На такихъ этапахъ было и теплѣе и чище и удобнѣе. Арестанты знали всю подноготную каждаго офицера, знали, какъ къ нему подойти, чтобы выпросить себѣ какую нибудь льготу. Особенно старались они получить разрѣшеніе на право, проходя черезъ

деревни, пѣть „Милосердную“. Это было весьма выгодное для нихъ предпріятіе, дающее имъ обильный сборъ пожертвованій, но почему то строго воспрещенное. За весь путь отъ Томска до Канска мнѣ пришлось слышать „Милосердную“ раза два-три, не больше. Получивъ отъ офицера столь драгоценное разрѣшеніе, партія уговаривалась съ конвойными, чтобы имѣть возможность медленно пройти по деревнѣ. Еще недоходя до первыхъ домовъ улицы начиналось пѣніе. Никогда не приходилось мнѣ слышать такого заунывнаго, жалобнаго, хватающаго за душу мотива, какъ мотивъ „Милосердной“. Знала эту пѣсню вся партія и вся, какъ одинъ человѣкъ, пѣла ее. Впечатлѣніе получалось громадное. Медленно движущаяся толпа сѣрыхъ фигуръ, звонъ и лягъ кандаловъ и рыдающіе, молящіе звуки пѣсни, пѣлымъ моремъ тоски и муки, проникали во всѣ закоулки деревни, во всѣ ея избушки. И обитатели ихъ не оставались глухи къ мольбамъ „несчастныхъ“. „Милосердные батюшки и матушки“, къ которымъ обращалась пѣсня,—сами потомки такихъ же „несчастныхъ“—охотно выносили подаяніе: хлѣбъ, мясо, молоко, масло, деньги—все, чѣмъ кто богатъ, что у кого было подъ рукой. Въ большихъ деревняхъ сборы были такъ обильны, что вся партія имѣла даровой ужинъ. На этапѣ все собранное дѣлилось самымъ добросовѣстнымъ образомъ, по изстари заведеннымъ правиламъ. Этапъ, на который мы пришли, не отличался чистотой и исправностью, хотя былъ первымъ отъ Томска, такъ сказать, подъ бокомъ у начальства. Намъ отвели отдѣльную камеру, не сообщавшуюся съ помѣщеніемъ уголовныхъ и, обогрѣвшись, мы принялись хлопотать объ удовлетвореніи голода, который сильно давалъ себя чувствовать. Покупать провизію и готовить самимъ нечего было и думать, пришлось идти покупать готовую пищу у торговцевъ, цѣлый рядъ которыхъ расположился у воротъ этапа. У нихъ можно было достать и хлѣба, пшеничныхъ калачей, шанегъ (ватрушекъ) съ творогомъ или картофелемъ, молока, жаренаго мяса и щей. Всѣ продукты были не дороги, но приготовлены чрезвычайно грязно, въ особенности щипы изъ всякихъ отбросовъ мяса, ливера и т. п. Въ этихъ щипахъ можно было, при желаніи, найти и соръ и тряпки и таракановъ въ изрядномъ количествѣ—всего было вдоволь. Но голодъ не свой братъ и такіе щипы покупались на расхватъ и нужно было торопиться, чтобы не остаться безъ горячей пищи. Послѣ обѣда я и нашъ староста пошли къ уголовнымъ познакомиться съ ихъ старостой и выяснитъ наши отношенія, такъ неудачно начавшіеся утреннимъ инцидентомъ. Староста уголовныхъ молодой, здоровый дѣтина, съ умнымъ, красивымъ лицомъ и смысленными, плутовскими глазами, первый заговорилъ объ утреннемъ недоразумѣніи, извинился за „шпанку“, поднявшую скандалъ изъ за пустяковъ и пообѣщавалъ всегда предупреждать насъ заранѣе о времени выхода партіи. Со-

общивъ намъ, что они сегодня сдаютъ „майданъ“ и нанимаютъ парашниковъ, онъ ловко воспользовался случаемъ содрать съ насъ цѣлковый на „общественное“ дѣло. Парашники нанимались на весь путь до Красноярска и получали за свою тяжелую и неприятную работу по 3—4 рубля на брата. Должность эта хотя и оплачиваемая, считалась еще какъ-бы и почетной. Въ парашники нанимали людей извѣстныхъ партіи, заслуженныхъ такъ сказать, въ арестантскомъ мірѣ. Майданщики за право торговли, безнаказанно грабить и въ конецъ развращать сѣрую арестантскую массу „шпанку“, „кобылку“, какъ презрительно зовутъ ее арестанты-аристократы, уплачивали партіи 20—30 рублей, отъ Томска до Красноярска. Майданщики—очень крупныя и вліятельныя въ партіи фигуры, они ведутъ дружбу съ главарями партіи, а мелюзгу безжалостно третируютъ. На каждой этапѣ, когда камеры запираются, открывается майданъ и начинается картежная игра и пьянство, продолжающіяся до глубокой ночи. Конвой прекрасно знаетъ все это, но не препятствуетъ, такъ какъ и ему кое-что перепадаетъ. Онъ же доставляетъ майданщику водку, табакъ и все необходимое.

XVII.

Вся эта жизнь уголовной партіи не касалась насъ совершенно. Почти на всѣхъ этапахъ мы имѣли совершенно отдѣльныя помѣщенія, и, во время дневковъ, могли свободно отдыхать.

• Два дня мы шли, а третій наслаждались отдыхомъ, поскольку условія этапнаго помѣщенія позволяли это.

Такъ какъ мы шли въ первой зимней партіи, то часто заставляли свое помѣщеніе плохо протопленнымъ и, послѣ проведеннаго на холодѣ дня, должны были зябнуть и на этапѣ. Уголовные совсѣмъ не беспокоили насъ, иногда обращались за лекарствами, но вообще не кланчили, не навязывались и относились къ намъ съ уваженіемъ и предупредительностью.

Обиды отъ нихъ мы никакой не имѣли.

На одномъ изъ полуэтаповъ пропалъ какъ то, у кого то изъ насъ, башлыкъ. Я сказалъ объ этомъ, подвернувшемуся случайно, старостѣ и тотъ рѣшительно заявилъ: это дѣло нашей шпанки, не беспокойтесь, сайчасъ найду и принесу. Дѣйствительно, не прошло и десяти минутъ, какъ мы услышали отчаянные крики избиваемаго человѣка, а вскорѣ затѣмъ пришелъ староста и принесъ украденный у насъ башлыкъ. На наше замѣчаніе, что нельзя же такъ бить человѣка за всякій пустякъ, онъ усмѣхнулся и сказалъ, что никакъ нельзя, что если спустить хоть одинъ разъ, потомъ уже къ рукамъ не приберешь, другъ у друга все переворуютъ. У насъ строго указано, гдѣ можно украсть, а гдѣ нельзя, должны понимать, до-

бавилъ онъ. До самаго конца моего путешествія, у насъ больше ничего не пропало, хотя мы оставляли вещи разбросанными, безъ всякаго присмотра. Нашлось въ партіи нѣсколько человѣкъ болѣе равныхъ, смиренныхъ, сторонящихся майдана и всей арестантской среды. Эти люди на каждой дневкѣ просили разрѣшить имъ прійти къ намъ побесѣдовать; мы, конечно, разрѣшали и они приходили скромные, застѣнчивые, усаживались по угламъ и степенно вели разговоры о всевозможныхъ, интересующихъ ихъ вопросахъ. Странно было видѣть этихъ честныхъ хорошихъ людей въ общей массѣ дикой, разнузданной, грубой арестантской среды.

XVIII.

Скучно, однообразно и крайне утомительно тянулось наше путешествіе. Въ Маринскѣ, когда мы шествовали по городу, направляясь къ этапу, къ намъ подошло нѣсколько человѣкъ товарищей, жившихъ тамъ.

Они шли рядомъ съ нами, отдѣленные отъ насъ конвойными и разговаривали съ нами, несмотря на ихъ протесты. Они спрашивали насъ, кто мы, по какому дѣлу, откуда и куда и старательно записывали всѣ эти свѣдѣнія, чтобы подѣлиться ими съ другими товарищами, живущими по деревнямъ, въ сторонѣ отъ тракта.

По ихъ блѣднымъ, истощеннымъ лицамъ мы могли догадаться, что не особенно сладко имъ здѣсь живется.

Вечеромъ пришелъ къ намъ на этапъ полякъ повстанцевъ 1863 года, принесъ жаренаго гуся и еще какой-то свѣди и цѣлый вечеръ спрашивалъ насъ, что дѣлается на родинѣ. Совершенно не понимая духа новаго движенія, онъ постоянно переходилъ къ своимъ воспоминаніямъ о востаніи, о своихъ патріотическихъ идеалахъ и очень огорчился, когда ему, наконецъ, разъяснили, что теперь старые идеалы уже умерли, а на ихъ мѣсто народились совершенно иные, новые. Чѣмъ дальше мы подвигались на востокъ, тѣмъ становилось все холоднѣе. Каждый день, по нѣсколько разъ приходилось оттирать свѣгомъ, то поблѣвшій носъ, то уши, то щеки. Жестокіе сибирскіе морозы, къ которымъ мы еще не успѣли привыкнуть, мучили насъ страшно. На этапахъ, содержимыхъ крайне небрежно, съ выбитыми стеклами, плохими печами, тоже приходилось постоянно мерзнуть. На дневкахъ дожимала страшная скука.

Но вотъ, на одномъ изъ этаповъ, когда мы особенно сильно скучали, къ намъ пришло нѣсколько человѣкъ арестантовъ съ приглашеніемъ пожаловать къ нимъ вечеромъ на представленіе. Приглашавшіе очень предусмотрительно предупреждали насъ не беспокоиться о своихъ вещахъ, обѣщали поставить отъ себя караульнаго и увѣрили, что все будетъ въ порядкѣ.

Представленіе разрѣшено начальникомъ этапа и даже конвойные будутъ присутствовать—разсказывали они, желая заинтересовать насъ,—на счетъ платы тоже не безпокойтесь, кто сколько пожелаетъ. Мы пообѣщали прійти.

Передъ самымъ началомъ представленія за нами прибѣжала посланный и мы пошли. Въ углу самой большой камеры было устроено что-то на подобіе эстрады, декорированной халатами; впереди стояло нѣсколько скамеекъ устроенныхъ изъ разобранныхъ наръ.

Эти почетныя мѣста предназначались для насъ, для конвойныхъ и г. партійнаго начальства и знати, остальная же публика должна была смотрѣть представленіе стоя. Зрителей набралось полная камера.

Фокусникъ старикъ-еврей съ деревянной ногой, съ рѣзко-типичнымъ еврейскимъ лицомъ и произношеніемъ, съдой курчавой бородкой и насмѣшливыми, пронизательными, огромными глазами. Большой балагуръ и острякъ, онъ былъ любимцемъ партіи за свою неугомонную веселость и характерное еврейское остроуміе и находчивость. Фокусы, самые обыкновенные, въ родѣ глотанія горящей пакли и выматыванія послѣ этого изо рта ленты, приводили арестантовъ въ неописуемый восторгъ. Шутки, остроты, замѣчанія сыпались какъ изъ рога изобилія. Но особенно сильное впечатлѣніе произвело заталкиваніе въ носъ громаднаго—четвертнаго гвоздя. По мѣрѣ того, какъ гвоздь все глубже входилъ въ солидный носъ фокусника, росло изумленіе зрителей, когда же изъ носу виднѣлась уже одна только шляпка гвоздя и фокусникъ, скорчивъ уморительную гримасу, вдругъ громко чихнулъ и гвоздь вылетѣлъ изъ носу, необузданный восторгъ охватилъ толпу, выражаясь не въ аплодисментахъ, а въ смѣхѣ, крикахъ и отборнѣйшихъ ругательствахъ, должествовавшихъ означать высшую степень похвалы. Довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ фокусникъ отвѣчалъ на остроты остротами, еще болѣе возбуждавшими веселье. Представленіе продолжалось около двухъ часовъ и все это время здоровенные, закованные въ кандалы, мужики не переставали хохотать и радоваться, какъ маленькія дѣти. Сборъ превзошелъ всѣ ожиданія и выразился въ нѣсколькихъ рубляхъ.

Передъ Ачинскомъ сторѣлъ уже года 2—3 тому назадъ полутапъ, построить новый начальство не смѣшило и поэтому партія вынуждена была сдѣлать въ одинъ день два станка, т. е. болѣе 40 верстѣ. Въ короткій зимній день такой переходъ невозможенъ, поэтому партія вышла часа въ 4 утра и шла цѣлый день до сумерекъ. Этотъ станокъ извѣстенъ арестантамъ, о немъ давно говорили, къ нему готовились. Наканунѣ всѣ улеглись пораньше, чтобы хорошенько отдохнуть, купили про запасъ калачей, чтобы дорогой можно было подкрѣпиться и сдѣлать вмѣсто одного, два перевала. И все-таки, ни разу не было такъ много отсталыхъ, ослабѣв-

шихъ, ни разу не переполнялись такъ подводы отдыхающими, какъ в этотъ день. Только сильные, вполне здоровые люди могли выдержать такой переходъ. Въ Ачинскѣ новая пересылная не была окончена, въ старой не было помѣщеній и намъ отвели, въ слѣдственной тюрьмѣ, женское помѣщеніе, удаливъ предварительно куда то арестантокъ. Грязь, вонь, миррады всякихъ насѣкомыхъ мучили насъ двѣ ночи, не давая ни минуты покоя. Усталые, измученные вышли мы изъ Ачинска и еще девять дней тащились до Красноярска, куда пришли 28 ноября т. е. пробыли въ дорогѣ ровно мѣсяць, пройдя только 500 верстъ отъ Томска. На почтовыхъ это разстояніе проѣзжали 3—5 дней.

XIX.

Въ Красноярскѣ мы должны были прожить цѣлую недѣлю. Всѣ мы, за исключеніемъ Компанца, сославшагося за побѣгъ изъ Минусинска, въ Средне-Колымскѣ, препровождались въ распоряженіе Иркутскаго генерал-губернатора. Вскорѣ по прибытіи намъ сообщили, что всѣ мы назначены въ Енисейскую губернію и изъ Красноярска будемъ разосланы по своимъ мѣстамъ. Распредѣлили насъ слѣдующимъ образомъ: Гордонъ Шульмейстеръ и Тржешковскій—въ бѣльскую волость, Гандельсманъ въ идринскую, Кефферъ—въ анциферовскую, Выгановскій—въ шушинскую, Острейко—въ частоостровскую и я—въ тасѣевскую. Послѣ этапныхъ помѣщеній Красноярская тюрьма показалась намъ и чистой, и удобной, и теплой и мы съ наслажденіемъ отдыхали, измученные цѣлымъ мѣсяцемъ непрерывныхъ лишеній. Дня черезъ 3—4 насъ повели въ городъ къ фотографу, у котораго съ давнихъ поръ снимали всѣхъ проходящихъ въ Сибирь политическихъ. Въ Красноярскѣ намъ предстояло разѣхаться. Кто уѣзжалъ на обывательскихъ въ свою волость, кто шелъ по этапу въ Минусинскъ. Три мѣсяца проведенные въ дорогѣ, все вмѣстѣ выстраданное и пережитое сблизило насъ; между нами установились тѣсныя, дружескія отношенія. Теперь, передъ разлукой, каждый съ тоской думалъ о томъ, удастся ли еще когда свидѣться, старался угадать, какія еще испытанія готовитъ судьба его друзьямъ. Дѣйствительно, изъ всѣхъ товарищей, съ которыми я выѣхалъ изъ Москвы, мнѣ уже больше никого не привелось встрѣтить. Одни умерли въ Сибири: Наталія Полль, Малиновскій, Подбѣльскій, Тржешковскій, Компанецъ, другіе—вернувшись на родину: Выгановскій, Савицкій Острейко. Гдѣ остальные, живы ли они? Частенько, перебирая въ памяти, прошлую жизнь мою, разные эпизоды изъ нашего путешествія, я съ любовью вспоминаю моихъ невольныхъ спутниковъ въ Сибирь.—Въ Красноярскѣ составлялась новая уголовная партія, съ которой намъ предстояло идти.

Снова приходилось переживать крайне неприятныя процедуры осмотра вещей, сличенія приѣтъ и т. п. Печальные, полные самыхъ мрачныхъ мыслей, простились мы съ товарищами и, уже только вдвоемъ, отправились дальше.

XX.

Вспомнивъ объ умершихъ въ Сибири товарищахъ, я не могу удержаться, чтобы не рассказать о трагической кончинѣ Тржешковскаго. Это былъ уже не молодой человекъ, довольно слабого здоровья, измученный и доведенный побоями и всякими жандармскими репрессіями въ Варшавской крѣпости, почти до умопомѣшательства. Онъ нѣсколько разъ пытался лишить себя жизни, страшно мучаясь подозрѣніями, что своими, вынужденными силой показаніями, могъ повредить кому либо изъ товарищей. Всю дорогу онъ ѣхалъ съ нами задумчивый, мрачный, беспокойный, совершенно безпомощный, такъ что часто приходилось ухаживать за нимъ, какъ за больнымъ ребенкомъ. Передъ прощаніемъ въ Красноярскѣ онъ долго рассказывалъ мнѣ о перенесенныхъ въ крѣпости мученіяхъ, о томъ, какъ у него выколачивали показанія, какъ заставляли подписывать протоколы, написанные на русскомъ языкѣ, который онъ очень плохо понималъ, какъ неоднократно вѣшался, но каждый разъ его замѣчали и вынимали изъ петли, какъ его мучаетъ мысль, что товарищи могутъ подумать, что онъ предалъ ихъ. Рассказывая все это, онъ горько плакалъ и, долго пришлось доказывать ему всю неосновательность его подозрѣній, увѣрять, что никто не станетъ считать его предателемъ, и что его показанія никому вреда не причинили. Пятилѣтняя ссылка въ деревнѣ еще больше подорвала его здоровье. По окончаніи срока онъ поселился въ Красноярскѣ и зарабатывалъ себѣ своимъ сапожнымъ ремесломъ средства къ существованію. Однажды зимою, (не помню, въ которомъ году) въ праздникъ, онъ былъ въ гостяхъ у кого то изъ пріятелей на заводѣ, за городомъ, откуда ушелъ домой поздно ночью и немного подъ хмелькомъ. Чтѣ съ нимъ случилось—неизвѣстно, только ночью же его нашли лежащимъ на дорогѣ и, такъ какъ былъ жесточайшій морозъ, то сочли замершимъ и изъ больницы, куда его привезли, плохо осмотрѣвъ, отправили прямо въ мертвецкую. На утро сторожъ, войдя въ мертвецкую засталъ его сидящимъ на полу среди труповъ. Поднялся переполохъ, его перенесли въ больницу, стали осматривать и оказалось, что руки и ноги у него отморожены окончательно. Начали лечить, но уже ничего нельзя было сдѣлать и пролежавъ около 2-хъ недѣль въ больницѣ, онъ умеръ, какъ мнѣ передавали, отъ гангрены.

XXI.

27-го ноября оставили мы Красноярскъ. Такъ какъ теперь насъ было только двое и два конвоира, то мы могли бы свободно всю дорогу ѣхать на саняхъ, но жестокіе морозы и плохая одежда не позволяли намъ долго сидѣть безъ движенія, приходилось большую часть дороги идти пѣшкомъ, чтобы не отморозить себѣ ноги. Ѣхать отдѣльно отъ партіи разрешали только нѣкоторые, болѣе человѣчные офицеры. Кстати, за все время мы не имѣли никакихъ столкновеній съ конвойнымъ начальствомъ. Только однажды, на наше требованіе дать дровъ, чтобы протопить холодную камеру, офицеръ раскричался, пообѣщавъ заковать насъ въ кандалы, но когда мы пошли и самовольно стали брать дрова, онъ притворился, что не видитъ. Обыкновенно офицеры, или совѣтъ къ намъ не показывались или же, приходя, вели себя очень корректно, даже любезно. На одномъ изъ этаповъ за Красноярскомъ мы были пріятно удивлены, когда пріѣхавъ иззябшіе, усталые и голодные, попали въ камеру хорошо протопленную и старательно подметенную. Не успѣли мы еще раздѣться, какъ дверь открылась и солдатикъ внесъ къ намъ кипящій самоваръ, два чайныхъ прибора, масло, сливки и пѣлую массу всевозможныхъ булочекъ, кренделечковъ и печеній. На нашъ вопросъ, откуда все это, онъ отвѣтилъ, что барыня проситъ насъ откушать чаю. Приказавъ благодарить барыню мы съ величайшимъ удовольствіемъ принялись за чай и онъ намъ показался необыкновенно вкуснымъ. Чаю изъ самавара мы не пили со дня нашего ареста, еще тамъ—на родинѣ. Вечеромъ, такимъ же порядкомъ, барыня прислала намъ прекрасный ужинъ, а вскорѣ пришелъ и самъ начальникъ этапа. Сконфуженные такимъ проявленіемъ симпатіи къ намъ мы просили офицера передать его жепѣ нашу искреннюю благодарность. Молодой, симпатичный офицерикъ краснѣлъ и конфузился не меньше нашего, просилъ не беспокоиться изъ-за пустяковъ и, предложивъ принести намъ газетъ, поспѣшилъ уйти. Вскорѣ онъ принесъ намъ газеты и долго просидѣлъ бесѣдуя о разныхъ больныхъ вопросахъ. Онъ еще недавно попалъ въ Сибирь на эту службу, страшно тяготился ею и рвался назадъ въ Россію. Передавъ, что жена его проситъ не отказываться отъ ея гостепріимства, онъ пожелалъ намъ спокойной ночи. Но къ сожалѣнію, пожеланію его не суждено было исполниться. Эта ночь, а также и слѣдующая, проведенныя нами на этомъ этапѣ, были самыми безпокойными изъ всѣхъ ночей проведенныхъ въ дорогѣ. Какъ я уже упоминалъ, мы шли въ первой зимней партіи, этапы стояли цѣлый мѣсяцъ не топленными и къ нашему приходу, протапливались очень плохо. Это спасало насъ отъ клоповъ, которые

не успѣвали, какъ слѣдуетъ, оттаять и, хотя и давали знать о себѣ, но все-таки возможно было спать по ночамъ. На этомъ этапѣ заботливые хозяева, видимо, протапливали нашу камеру въ теченіе нѣсколькихъ дней, клопы ожгли и, какъ только мы послѣ вкуснаго и обильнаго ужина съ наслажденіемъ завалились спать, накиннулись на насъ изъ всѣхъ щелей. Не успѣли мы еще заснуть, какъ почувствовали, что клопы напали на насъ въ громадномъ количествѣ. Но когда я зажегъ спичку, то вскочилъ съ постели, какъ сумасшедшій. Такого множества этихъ прекрасныхъ насекомыхъ я никогда не видалъ. Всѣ стѣны, нары, наши постели—все было покрыто клопами. О томъ, чтобы спать на парахъ, нечего было и думать. Мы зажгли лампу, тщательно выхлопали постели и рѣшили спать на полу, при лампѣ, разсчитывая, что свѣтъ ея будетъ удерживать кровопійцу отъ новыхъ нападеній на насъ. Чтобы окончательно гарантировать себя отъ несчастія со стѣнъ и наръ, я достала изъ имѣвшейся у меня аптечки, скипидаръ и полилъ имъ кругомъ постелей сплошной кругъ. Ну, теперь до насъ не доберутся, рѣшили мы и легли спать. Но среди ночи мы проснулись отъ безчисленныхъ укусовъ, жегшихъ намъ лицо, руки, ноги и все тѣло, какъ огнемъ. Клоповъ на постели оказалось мириады. Мы сразу не могли понять, какъ они къ намъ попали, такъ какъ около скипидарнаго круга пѣлая масса ихъ ползали, не смѣя перейти черезъ него. Взглянувъ случайно на потолокъ мы все поняли. Клопы по стѣнамъ всползли на потолокъ и оттуда дождемъ сыпались прямо на наши постели. Пришлось раздѣться до нага, выхлопать все бѣлье и одежду и все остальное время до утра не спать и кочевать съ мѣста на мѣсто, чтобы избавиться отъ наступавшаго со всѣхъ сторонъ врага. На слѣдующую ночь мы уже намазали скипидаромъ и потолокъ и полъ, но напуганные прошлою ночью поминутно просыпались и, глядя на ползавшихъ вездѣ клоповъ, не могли справиться со своимъ отвращеніемъ и какимъ то страннымъ безпокойствомъ, всю ночь мучившимъ насъ. Намъ все казалось, что клопы ползаютъ у насъ по подушкѣ, по лицу, по рукамъ и мы постоянно вскакивали, чтобы убѣдиться что ихъ нѣтъ.

XXII.

Девять дней шли мы до Канска и прошли 226 верстъ, имѣя только двѣ дневки. Въ Канскѣ кончалось мое этапное путешествіе и отсюда я долженъ былъ ѣхать 200 верстъ на обывательскихъ по проселочной дорогѣ. Прибыли мы въ Канскъ 6 декабря, въ день св. Николая, особенно торжественно празднуемый въ Сибири. Начальство все было или именинниками или пировало у именинниковъ, возиться съ отправкой меня дальше никому не хотѣлось и я легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе прожить два

дня въ городѣ. Приѣхали товарищи, жившіе въ 12 верстахъ отъ города и я, уже освобожденный отъ неизмѣннаго часоваго съ ружьемъ, рассказывалъ съ ними по городу. Повидавшись въ послѣдній разъ съ Кампанцемъ, которому предстояло еще очень долго тащиться до Средне-Колымска и на лошадахъ, и на собакахъ—я распростился и съ этапами, и съ конвойными, и съ арестантами. Партія была хорошая и безпokoитъ о томъ, что Кампанца одного будутъ обижать, нечего было. Арестанты сами услоковали и меня и его, увѣряя, что съ ними онъ до Иркутска дойдетъ прекрасно, что въ обиду его они никому не дадутъ.—А тамъ, дальше, тоже нашъ братъ пойдетъ, тоже ничего худого не будетъ—говорили они. И дѣйствительно, описывая мнѣ вполнѣ въ своемъ путешествіи, онъ съ величайшей признательностью отзывался объ арестантахъ и той заботливости, съ какой они къ нему относились. Онъ все время помѣщался вмѣстѣ съ ними, всегда на лучшемъ мѣстѣ, всегда оберегаемый отъ всякихъ неприяностей и все дѣлалось вполнѣ безкорыстно. Проживъ два дни въ Канскѣ, я отправился на обывательскихъ—на подводахъ, какъ говорятъ сибиряки—въ свою волость. Морозы стояли свирѣпые и я надѣвалъ на себя все, что только у меня было, чтобы не замерзнуть дорогой. Станки были довольно большіе и, хотя быстроногія и чрезвычайно выносливыя сибирскія лошадки пробѣгали ихъ довольно скоро, мнѣ частенько приходилось слазить съ сани и бѣжать за ними, чтобы отогрѣть замерзающія ноги. Обыкновенно, приѣхавъ въ деревню, меня подвозили къ сборной избѣ и выбѣгавшій на звонъ колокольчиковъ десятскій спрашивалъ ямщика, кого онъ привезъ.—Царскаго преступника,—неизмѣнно отвѣчали ямщики, называя такъ всѣхъ политическихъ. Передавался пакетъ, адресованный въ волостное правленіе съ припиской: „при семь препровождается такой то“. Чрезвычайно характеристична приписка. Для бюрократіи всего важнѣе „бумага“ и везли не человекъ и при немъ „бумагу“, а наоборотъ — „бумагу“ и уже, какъ несущественный придатокъ къ ней — человекъ. „Бумаги нельзя терять, отвѣчать за нее будешь, — шутили ямщики, — а тебя если и замерзшаго доставлю, ничего, никакого отвѣта не будетъ“. И сколько горькой правды было въ этой шуткѣ. Отъ сборной избы, узнавъ очереднаго ямщика, мы ѣхали къ нему на домъ, пили тамъ чай, а если дѣло было къ вечеру и я не хотѣлъ ѣхать дальше, то ночевали. На третій день вечеркомъ въѣхалъ я, наконецъ, въ большое, довольно зажиточное село, въ которомъ суждено мнѣ было прожить пять лѣтъ заранѣе назначенныхъ, да еще четыре года, милостиво прибавленныхъ послѣ и, лихо подкативъ къ крыльцу волостнаго правленія, былъ сданъ при пакетѣ писарю, который и пригласилъ меня къ себѣ ночевать.

Всего отъ Варшавы до Тасѣева я пробылъ въ дорогѣ четыре мѣ-

сяца безъ шести дней, между тѣмъ, какъ теперь это разстояніе можно проѣхать всего только въ двѣ недѣли. Четыре долгихъ мѣсяца мытарствъ по тюрьмамъ и этапамъ, безконечное количество физическихъ и нравственныхъ страданій и полная зависимость отъ перваго попавшаго конвойнаго, въ распоряженіе которыхъ мы были отданы и вѣжливое обращеніе которыхъ покупали за деньги.

Что же должны были выстрадать тѣ, кого посылали въ разные Колымски, Верхоянски, Вилюйски, до которыхъ они ѣхали чуть не цѣлый годъ?

Б. 0—чѣ.